Эффект бабочки

Автор:
Карин Альвтеген

Эффект бабочки

Карин Альвтеген

Скандинавская линия «НордБук»

По непонятным причинам легковой автомобиль врезается в поезд дальнего следования. В аварии погибают одиннадцать человек. Но что предшествовало катастрофе? Виноват ли кто-то еще, кроме водителя? Углубляясь в прошлое, мы видим, как случайности неумолимо сплетаются в бесконечную сеть, создавая настоящее, как наши поступки влияют на ход событий далеко за пределами нашей собственной жизни. «Эффект бабочки» – это роман об одиночестве и поиске смыслов, о борьбе свободной воли против силы детских травм, о нежелании мириться с действительностью и о том, что рано или поздно со всеми жизненными тревогами нам придется расстаться… Карин Альвтеген (р. 1965) – известная шведская писательница, мастер жанра психологического триллера и детектива, лауреат многочисленных литературных премий, в том числе премии «Стеклянный ключ» за лучший криминальный роман Скандинавии.

Карин Альвтеген

Эффект бабочки

© Karin Alvtegen, 2013

© Е. Крестовская, перевод на русский язык, 2021

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2021

* * *

Эффект бабочки

«Малейшее воздействие на любой элемент системы может в перспективе иметь далеко идущие и непредсказуемые последствия для других ее элементов».

В крупной железнодорожной катастрофе погибли люди

СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ: По меньшей мере 11 человек погибли при столкновении поезда дальнего следования с автомобилем на подъезде к станции Русерсберг. По имеющимся сведениям, на месте катастрофы царит хаос, руководители спасательной операции полагают, что под сошедшими с рельсов вагонами все еще могут находиться погибшие и раненые. Свыше 50 человек госпитализированы, многие – в тяжелом состоянии. Поезд со 180 пассажирами отправился с Центрального вокзала Стокгольма в Евле в 17.40. Катастрофа произошла на железнодорожном переезде, оборудованном автоматическими шлагбаумами и сигнальными фонарями, работавшими, по словам спасателей, во время происшествия в штатном режиме. По неизвестной причине автомобиль протаранил один из вагонов, который, сойдя с рельсов, потянул за собой другие. Водитель автомобиля скончался на месте.

Пятью месяцами ранее

Будиль

Незнакомый звук.

Так я теперь просыпаюсь по утрам. У всех домов свои особенности, но за четыре дня успеваешь привыкнуть только к самым характерным. Квартира небольшая –

комната да кухня, и она была уже полностью заставлена, когда я въехала сюда со своими двумя коробками. Больше вещей мне не нужно. Несколько книг и одежда на четыре сезона. Потому что кто знает?

Теперь уже точно никто.

Мне пятьдесят пять. А такое ощущение, будто только что родилась. Неуверенно ступая босыми ногами, пытаюсь научиться ходить. Все, что беспокоило меня раньше, пять дней тому назад стало совершенно неважным. На этой неделе я рассталась с мужем и уволилась с работы без предупреждения. Ни Кристер, ни мой начальник не очень-то хотели идти мне навстречу, но я первый раз в жизни настояла на своем, не обращая внимания на реакцию.

Они не знают того, что знаю я, и поэтому для их злобы я неуязвима.

С тех пор я живу как дикарка. Делаю все, что мне вздумается, и позавчера впервые в жизни напилась допьяна. Правда, здесь, в квартире, не на глазах у посторонних, но все же я была пьяна в стельку и уснула в одежде. Не помывшись и не намазав себя новым дорогим кремом. Не могу сказать, что этот опыт обогатил меня. Целый день был выброшен из-за похмелья, а я теперь не могу себе такого позволить. Зато я присмотрела ресторан за углом, он открывается в четыре, и в первые часы посетителей там немного. Думаю, буду заходить туда каждый вечер, чтобы выпить бокал-другой вина, пренебрегая мнением мужа, будто в одиночку в рестораны ходят только женщины легкого поведения. Кстати, этого я тоже никогда не пробовала, так что сейчас самое время.

Все, что я до сих пор отметала, обрушивается на меня как валуны при камнепаде.

Бессмертному легко оставить сделанное и несделанное позади.

Или, вернее, у него все впереди.

Смертному труднее.

Встаю я не сразу. Такая роскошь по-прежнему кажется мне непривычной, но с понедельника я уже больше не испытываю угрызений совести. Наблюдаю, как полоса света пробивается в узкий переулок, в котором я теперь живу. Солнце проникает в окошко лишь утром ненадолго, а потом уходит блуждать по крышам Старого города, оставляя мою квартиру в тени. Но это неважно. Если я захочу увидеть солнце, пойду искать его на улицу. На этой неделе оно завело меня в такие места, где я раньше никогда не бывала. Хотя почти всю свою жизнь провела в Стокгольме.

Встаю и иду в ванную. По пути приходится огибать коробки и стопки книг, стоящие на полу; переехав сюда, я не стала трогать папины вещи.

Я с удивлением узнала об этой недвижимости, когда отец умер восемь лет назад, завещав мне ее в личную собственность. Квартирка с кухней притаилась на третьем этаже за неприметной входной дверью в переулке Йорана Хельсинге. По сведениям жилищного кооператива, отец приобрел ее в 1976 году. Догадываюсь зачем. И догадываюсь, почему оставил потом себе. Мне все понятно по книгам, теснящимся в переполненных книжных стеллажах: «Ботаника», «Флора Скандинавии», «Птицы полей, гор и вересковых пустошей». Мне все понятно по вещам из дома бабушки и дедушки – я помню, как мама просила отца их выбросить. Эта квартира была его отдушиной. Пристанищем, где хранились его мечты.

Я все думала: что мне делать с квартирой? Никто, кроме меня, не знал о ее существовании, я сберегла отцовскую тайну, не рассказав о ней ни мужу, ни дочери. Примерно раз в месяц я заходила сюда проверить, все ли в порядке, и ни к чему не притрагивалась, сохраняя квартиру в качестве мавзолея семьи из моего детства. Все они ушли, кроме меня.

И обменяться воспоминаниями уже не с кем.

Возможно, где-то в глубине души я знала, что однажды квартира окажется моим спасением. Папино пристанище станет моим.

Кран над ванной подтекает. Немного, приблизительно две капли в минуту. Я подсчитала в один из вечеров, принимая ванну и наслаждаясь новой солью с эфирными маслами лаванды, лимона и розмарина. Водными процедурами я

никогда особенно не увлекалась. Ванна в нашем таунхаусе в Тюресэ[1 - Ближний пригород Стокгольма, район массовой застройки 1960-х годов.] с тех пор, как выросла Виктория, использовалась исключительно в качестве подставки для красивых бутылочек с маслами для купания, которыми ни у кого никогда не было повода воспользоваться. А на этой неделе я принимаю ванну каждый вечер, разрешив себе не задумываться о расходе воды. Если посчитать, сколько воды я потратила на прием ванны за всю мою жизнь, отрицательное воздействие на окружающую среду будет совсем незначительным. В том месте, куда падают капли воды, эмаль пожелтела. Я слегка потерла пятно чистящим средством, но оно не поддалось, и я оставила все как есть. Отсутствие необходимости беспокоиться дает ощущение свободы. Слишком большая часть моей жизни ушла на всяческие беспокойства.

Теперь я знаю, что это время было потрачено зря.

Почистив зубы, я на секунду задерживаю взгляд на отражении в зеркале. В лице женщины средних лет угадывается преисполненный ожиданий подросток, которым я когда-то была, – узнаю все ту же неприкаянность. Но потом вижу лишь худощавую женщину, вечно зацикленную на своих недостатках. Изучаю морщинки вокруг рта. Две вертикальные черточки над переносицей. Они создают озабоченный вид даже сейчас, когда я наконец чувствую себя свободной. Рассматриваю шею, которую часто скрывала платками, – Кристер говорил, будто она выглядит старой.

Однажды я буду стоять здесь перед зеркалом и говорить себе, что на самом деле я довольно красива. Или, по крайней мере, найду в себе хоть что-то симпатичное. Это мой долг перед телом, столько лет выносившим мою ненависть.

Поэтому я задерживаюсь перед зеркалом каждое утро. Тренируюсь смотреть себе в глаза.

Глаза на удивление те же, что и раньше, но, кажется, видят они теперь все по-другому. Картинка обрела резкость, пропорции стали другими. Шкала цветов будто бы дополнилась новыми оттенками, и детали внезапно проступили четким узором.

С понедельника я смотрю на мир с внимательным любопытством, поскольку не уверена, увижу ли я все это вновь.

Иду на кухню и завариваю кофе. Я купила себе маленькую кофемашину, которая даже умеет взбивать молоко в пенку. Слушая, как что-то шипит в аппарате, чувствую, что иду в ногу со временем. Украдкой смакую кофе у окна – благодаря толстым стенам здесь можно сидеть в оконной нише. Особого вида тут нет, только фасад следующего дома в нескольких метрах; признаться, вечерами я выключаю свет и заглядываю в окна, сидя в темноте. Окна одной квартиры чаще зашторены, а во второй живет пара лет тридцати, которая, не скупясь, выставляет напоказ свою частную жизнь. Вероятно, они просто не заметили, что кто-то заселился в первый ряд партера. Кажется, у них все хорошо, они много разговаривают и вместе готовят, часто прикасаются друг к другу совершенно без всякой необходимости. Я успела всякое повидать, и их другая жизнь поражает меня. Мне не дает покоя вопрос: почему человеческие жизни так по-разному складываются?

Пока я потягиваю кофе, взгляд падает на мобильный телефон. Он был выключен с момента моего переезда сюда, и чем больше проходит времени, тем меньше мне его хочется включать. И не потому, что он так уж часто звонит, просто надо было несколько дней побыть в покое. К своему изумлению, я начала прислушиваться к собственным потребностям, отставив в сторону запросы других. Мое обычное «я», или, правильнее сказать, та, кем я была до понедельника, никогда бы себе этого не позволила. Она считала, что бытие даст трещину, стоит только перестать все контролировать, но, судя по всему, жизнь продолжается. Возможно, Кристеру несладко в нашем таунхаусе, но какое мне дело? Самое удивительное, что меня это не беспокоит. Я больше не в состоянии волноваться. На самом деле я давно уже была не в состоянии, но, несмотря ни на что, продолжала.

Только сейчас я понимаю, что каждый из нас несет бремя своих тревог, но, застревая в чужих тревогах, мы понапрасну тратим силы.

Чтобы справиться с приближающимся будущим, силы будут нужны мне самой.

Последнее, что я сделала перед тем, как выключить телефон, – отправила эсэмэску дочери: «Привет, Виктория! Можем встретиться в пятницу в 18.00 в кафе «Табак» на площади Корнхамнсторг? Буду рада, если сможешь прийти. Всего доброго, мама».

Как долго я подбирала слова, прежде чем сформулировать сообщение. Особенно подпись. Будиль? Твоя мать? Мама? Я вдруг поняла, что не знаю, как Виктория меня называет. Дочь никогда не говорит о Кристере как о «папе», всегда называет его по имени. Мы так редко видимся, что я уже не знаю, как она к нему обращается.

Сегодня я увижусь с дочерью и от этого нервничаю. С тех пор, как она стала жить самостоятельно, мы встречаемся эпизодически и всегда по моей инициативе. На самом деле мы не знаем друг друга. И тут тоже все получилось совсем не так, как я хотела. Слишком много других вопросов отнимали мое внимание в те годы, когда закладывались основы отношений, а мне не хватало ни мужества, ни ума, чтобы правильно расставить приоритеты. Я долго ощущала разочарование дочери. Иногда в ее взгляде я вижу отражение моей собственной ненависти к себе, и от этого становится невыносимо. Мне было проще не попадаться Виктории на глаза.

До сих пор.

Новый взгляд на мир открыл мне всю глубину утраченного. Пока не поздно, больше всего я хочу поближе ее узнать. И если не попросить прощения, то, по крайней мере, рассказать свою историю.

Объясниться.

Но как это сделать, если мне и самой-то толком непонятно?

А часы все тикают.

Андреас

Вторник, 6 марта 2012 года. Если бы время было зримым, в этот день ровно в 13.22 появилась бы жирная красная черта. Моя жизнь делится на «до» и «после». Возможно, начало случившемуся было положено намного раньше, но как бы я ни крутил, как бы ни анализировал все совпадения, мне непонятно, почему это произошло именно со мной. Почему я оказался там именно в тот

момент. Вероятность была ничтожно мала. Я взвесил все «если» и «если бы не» и все равно не нашел объяснения. Поэтому я попытался перестать думать о случившемся, но забыл, как мыслил раньше. Сейчас мне кажется, что я вообще тогда не думал. Моя жизнь текла как по маслу, день за днем, все по плану. Отвезти детей в школу, потом – работа, покупки, готовка, футбол у Вильяма, гандбол у Майи, по выходным матчи, гости в субботу вечером. Обычные дни обычной недели. Их явное однообразие мы разбавляли горнолыжными поездками в Альпы, отпуском в Азии, обустройством новой ванной и кухни в нашем красивом особняке в стиле северный модерн.

Бывало, изредка повеет скукой, промелькнет тоска по чему-то грандиозному. Правда, я никогда не задумывался, что это может быть просто нечто, способное нарушить привычный порядок и вытащить меня из рутины.

Сейчас я хочу одного – вернуться в нее.

Первую неделю после случившегося я держался относительно хорошо. Продолжал жить, как раньше, четко придерживаясь заведенного порядка. Этот порядок и сейчас существует вокруг меня, я слышу, как моя семья завтракает этажом ниже, и хочу, чтобы, как прежде, все держалось на мне. Я знаю, что ?са надрывается, ей меня не хватает. Мы – слаженная команда, и быт наших насыщенных будней надо поддерживать в четыре руки.

С тех пор как я перестал спать, я больше не могу в нем участвовать.

Стулья скребут по деревянному полу на кухне, семья скоро уедет. Я слышу, как ?са поднимается по лестнице торопливыми шагами, переворачиваюсь на бок и закрываю глаза. В следующее мгновение дверь в спальню осторожно отворяется, жена присаживается на край кровати, и я чувствую, как ее рука касается моего лба.

– Спишь? – Проходит несколько секунд, прежде чем я делаю вид, что просыпаюсь. – Ты, кажется, не такой горячий сегодня, горло еще болит?

Поворачиваясь, я сглатываю и корчу подходящую гримасу, потом отвечаю: «Да».

– Тогда я позвоню в поликлинику. Ты болеешь уже неделю. Может быть, нужны антибиотики.

– Нет, давай подождем еще пару дней. Вроде, с горлом полегче сегодня, просто трудно понять, когда только что проснулся.

Она бросает взгляд на айфон, который держит в руке, кричит Вильяму, чтобы тот взял с собой форму для тренировки, и встает. Спешка сквозит в каждом ее слове и движении.

– Шторы поднять?

– Нет, я еще чуть-чуть посплю.

– Как думаешь, сможешь отвезти мальчиков на футбол к пяти? Сегодня наша очередь.

– Не уверен.

Она скрывает вздох разочарования, но я чувствую его.

– Я спрошу родителей Лукаса. На ужин придется заказать еду навынос, потому что за продуктами я тоже не успею, куплю только что-нибудь вкусненькое в честь пятницы по дороге домой. У нас срок сдачи по рекламной кампании, а клиенту не нравится дизайн. Не знаю, сколько продлится встреча.

– Ладно.

Она опять смотрит на часы и, направляясь к двери, гладит меня по ноге, накрытой одеялом. – Я позвоню тебе днем. Поправляйся. Целую.

Спустя несколько минут хлопает входная дверь и слышно, как заводится «Ауди». Я различаю на слух звуки моторов наших автомобилей. Гравий скрипит под колесами, когда машина выезжает задним ходом за ворота, и звук мотора постепенно затихает. В доме тихо. Я лежу и гляжу в потолок, подложив руки под голову.

Еще один ненормальный день. Я уже неделю провожу время в постели. В нормальный день я сел бы за руль той самой машины, которая везет сейчас

детей в школу, припарковался бы у станции Сальтшё-Дувнес[2 - Фешенебельный пригород Стокгольма, район индивидуальной коттеджной застройки.] и сел на электричку до Слюссена, а потом на метро доехал бы до Родмансгатан[3 - Станция метро в центральной части Стокгольма.]. В половине девятого я зашел бы в офис, где, помимо меня, рабочие места снимают еще семь архитекторов, заварил бы кофе и, перекинувшись парой слов с коллегами, принялся за работу, не разбрасываясь драгоценным временем. Его часто не хватает, графики детей держат нас в тисках, а мы с ?сой по возможности делим все поровну.

Делили.

Моя жена – высокооплачиваемый руководитель проектов в рекламном бюро. Она обычно работает больше, чем я. До рождения Майи вся наша жизнь крутилась вокруг карьеры, мы работали допоздна и ужинали чаще в ресторанах, чем дома. Меня считали успешным представителем нового поколения архитекторов, я получил несколько премий и работал со многими престижными проектами. Внезапно оказалось, что я – уже состоявшийся архитектор. Годы шли своей чередой, а мы все работали. Заказы менялись, но время текло обескураживающе однообразно. Нам было немного за тридцать, когда пришло ощущение, что чего-то не хватает. В разговорах все чаще стала возникать тема перемен. Я помню смутное стремление к чему-то большему, к трудностям, которые дадут возможность развиваться по-новому. Такие же настроения наблюдались у наших друзей одного с нами возраста. Возможно, в клетках отозвался древний инстинкт, объяснивший, что пришла пора размножаться. Да, наверное, так оно и было, потому что год спустя у каждой пары, что сидели за столом на наших вечеринках, которые мы раньше так тщательно готовили, родилось по младенцу.

Отпуск по уходу за детьми мы с ?сой поделили. Когда подошел детсадовский возраст, я решил уйти из архитектурного бюро и стал работать самостоятельно. Так было проще – я сам распоряжался своим временем и, когда дети болели, мог работать из дома. ?се отсутствовать на рабочем месте сложнее. Надо мной стоят только заказчики, которые нуждаются в моих услугах, а мне необходимо, чтобы они хорошо платили. До недавнего времени востребованность была важным фактором моей жизни.

Полагаю, я ощущал свою значимость.

Теперь же, когда я думаю об отчаянно требующем внимания проекте отеля в моем компьютере, я ощущаю только тяжесть в груди. Чертежи уже почти готовы, но, когда я смотрю на них, кажется, будто их сделал кто-то другой. Я уже не вижу концепции. Ее не различить за всеми этими странными штрихами и расчетами.

Выдуманный грипп – мое убежище. Я знаю, что мне надо взять себя в руки – мобильный разрывается от сообщений, да и ?са в скором времени заставит меня пойти к врачу.

Встаю и подхожу к окну, что уже достижение. Прислоняюсь лбом к холодному стеклу. Земля в саду отдыхает под паром. Снег стаял почти полностью. Снегокат застрял на газоне. Ветер собрал прошлогодние листья в темные кучки, напоминающие нарывы на плоской лужайке. Забытый футбольный мяч возвышается из единственного сугроба, оставшегося в тени гаража.

Надо бы сгрести листья на выходных. Подстричь кусты и сжечь лишние прутья. Заняться чем-нибудь совсем обычным.

Но только я безумно устал.

Сегодня ночью я проспал всего час или два. Ни разу не повернулся спиной к двери. Лежал, не отрывая глаз от циферблата будильника, а каждый раз, погружаясь в дремоту, вздрагивал и просыпался.

Я не смею заснуть.

Потому что вижу их во сне.

Глаза.

Виктория

Профиль в Фейсбуке

Имя: Виктория Бергстрём

Место работы: Финансовая инспекция

Образование: Юридический факультет Стокгольмского университета

Район проживания: Станция метро Йердет, Стокгольм День рождения: 23 апреля 1982 года

Статус: не замужем

Исходя из факторов, которые высоко ценятся в Стокгольме, меня можно считать очень счастливым человеком. Пожалуй, за исключением того, что я не замужем. В остальном я шла дистанцию по прямой, отмечаясь на всех важных контрольных пунктах. Тот, кому, вопреки ожиданиям, придет в голову полистать мои гимназические или университетские курсовые, сочинения, контрольные и экзаменационные работы, обнаружит, что все они были удостоены высшего балла. Я сохранила их в коробке на чердаке, принадлежащем жилищному кооперативу. Жильцы хранят там не самые ценные вещи, с которыми они не могут расстаться, хотя они им и не нужны. Когда я видела эту коробку последний раз, кто-то вывел на пыльной крышке слово из трех букв. Вероятно, это знак. Во всяком случае, это случилось на том же этапе, когда мой перфекционизм начал выходить из-под контроля.

Я не могу назвать точный момент, когда это произошло. Помню только нарастающую тревогу. На первых порах на нее можно было не обращать внимания, но постепенно она захватывала все больше места. Конечно, не до такой степени, чтобы это заметили на работе, – там я, как всегда, безупречна – но напряжение начинает истощать мои силы. Масштабы происходящего мне трудно объяснить. Но где-то в глубине души я понимаю, насколько нелепо себя веду.

Раньше я легко бралась за множество дел. Так называемая высокая многозадачность. Сейчас я с трудом успеваю выполнить базовый минимум.

Прихожу на работу как обычно. Думаю, сегодня все будет по-другому, но очень скоро начинаю метаться между делами. Когда рабочее время подходит к концу, ничего, оказывается, не сделано, и я остаюсь еще на несколько часов. Потом продолжаю работать дома, часто засиживаюсь за полночь, но никогда не бываю довольной плодами своего труда. Я больше уже не могу определить, когда дело завершено и новые изменения не улучшают результата. Меня все не устраивает. Я подвергаю сомнению свои формулировки и выводы, нахожу новые критерии и нормативные акты, которые необходимо перепроверить. К этому времени разум перестает работать. Сердце учащенно бьется, а документ превращается в необозримое нагромождение фактов и доводов. Я оказываюсь дальше от решения задачи, чем в начале пути. И тогда в моем воображении возникает грозный образ начальницы, я представляю себе ее разочарование, хотя до сих пор ни разу не вызывала ее недовольства. Но как я могу разочаровать ее? Я никогда не работала спустя рукава. Напротив, меня часто хвалили. Однако похвала утешает лишь ненадолго. Скоро она превратится в новую планку, которую я любой ценой должна взять.

Я теряю контроль. То, что составляет мою сущность, медленно вытекает из меня. И я не знаю, где течь.

Поэтому сейчас я уже во второй раз иду, как на Голгофу, к Турбьёрну. Я вряд ли напишу об этом в своем статусе в Фейсбуке. Отнюдь нет, я бреду сквозь собственные предрассудки, и каждый шаг требует преодоления себя.

По моим представлениям, к сеансам психотерапии прибегают либо по принуждению врача, либо вследствие судебного решения. У меня всегда вызывали подозрения те, кто ищет помощь по собственной инициативе, словно это доказывает невротический склад личности. Слабохарактерность. Даже Ильва, моя чрезвычайно компетентная и, казалось бы, здраво рассуждающая коллега, не смогла убедить меня в обратном. Вот уже год, как она кичится новообретенными знаниями о себе, рассказывая направо и налево обо всем, что она осознала благодаря терапии, и как это помогло ей изменить свое поведение, а заодно и жизнь к лучшему. Хотя я настроена скептически. Есть в этом во всем что-то неприятное. Прийти к совершенно чужому человеку и начать вытряхивать перед ним грязное белье своих проблем. Но однажды, сидя в три часа ночи над все еще не распутанным клубком идей, я подумала, что если психотерапевт способен убрать мои тревоги, может быть, я и схожу к нему пару раз. Уж лучше так, чем потерять работу.

Поэтому я спросила Ильву, конечно, на условиях конфиденциальности. Подробностями не делилась. Наплела ей что-то про сердцебиения и день спустя получила визитку Турбьёрна. Это было в начале декабря. Как раз позвонила мама и спросила про Рождество. Я, как обычно, притворно виноватым голосом сказала, что в этом году, к сожалению, тоже уеду. «В Таиланд», – соврала я, хотя на самом деле собиралась провести все праздники дома и отоспаться. Мама никогда не настаивает, она пожелала мне счастливого пути почти что с облегчением. Задача выполнена – ежегодное приглашение озвучено. Словно по молчаливому согласию, мы решаем не принуждать друг друга к времяпровождению в семейном кругу. Мне следовало бы испытывать благодарность, но почему-то грустно от того, что мама так легко сдалась.

Несколько недель я проносила визитку Турбьёрна в бумажнике. В первый день нового года – в этот омерзительный день, который с каждым годом вызывает у меня все большее ощущение неудовлетворенности – я выложила карточку на кухонный стол и вечерами стала брать ее в руки, словно примериваясь.

Так прошло еще несколько месяцев.

Оставив позади последнее сомнение, я нажимаю на кнопку вызова в домофоне. Приемная располагается на нижнем этаже обычного жилого дома; услышав жужжание в дверном замке, я захожу и сажусь в комнате ожидания. Перед кабинетом небольшой холл, над дверью горит красная лампочка. Идет препарирование. Благодаря наличию холла мы, психи, не пересекаемся, когда один выходит, а другой заходит в кабинет. За это я со своей стороны признательна, хотя мне немного любопытно, какие у него еще есть клиенты. Кто они и зачем сюда приходят. Есть ли у него любимчики? Наверное, да, ведь кто-то же должен быть интереснее других. От этой мысли сердце начинает биться быстрее.

Я вспоминаю мой прошлый визит. Когда я зашла в кабинет, Турбьёрн поздоровался со мной за руку. Рукопожатие было твердым, как и его взгляд; когда мы присели, он четко обозначил, что мы должны встретиться три раза, потом оценить достигнутое и совместно принять решение, хотим ли мы продолжать. Получится ли у нас, по мнению обоих, взаимодействовать. С тех пор меня преследует опасение, что я сама захочу продолжать, а он откажется.

Смотрю на часы. Осталось пять минут. Подхожу к кулеру, стоящему у стены, чтобы налить стакан воды. В тишине раздается шум воздуха в аппарате. Я тут же отпускаю кнопку и сажусь на место. Вспоминаю прошлый раз. Озвучив договоренность, психотерапевт замолчал, и я уже почти запаниковала от возникшей тишины. Потом осознала, что предполагается, будто я начну разговор. Получилось не очень. Я потратила весь сеанс на то, чтобы представить себя в выгодном свете, твердо решив стать его лучшим клиентом. Компетентная, состоявшаяся личность, попавшая сюда скорее по случайности. Я отчиталась о своих ответственных обязанностях на работе, рассказала о высокой интенсивности труда, международных связях и частых командировках. Домой я ушла в приподнятом настроении, которое продержалось до вечера, пока я не осознала, что заплатила семьсот пятьдесят крон за безобидную светскую беседу.

С тех пор я начала тренироваться. Неделю тщательно обдумывала, с чего начать. А теперь сижу здесь, и ни одна из хорошо звучавших в полумраке спальни фраз не выдерживает яркого освещения его кабинета.

По телу идут мурашки. Мне трудно усидеть на месте. То, что мне предстоит, кажется уже почти угрожающим. В течение сорока пяти минут мы будем препарировать мою психику, а Турбьёрн так и останется для меня совершенно чужим. Я загуглила его имя, но ничего не нашла – даже домашнего адреса. Сколько ему лет? Наверное, пятьдесят пять. Седые прямые волосы коротко подстрижены, очки в стальной оправе, и в прошлый раз он был одет с иголочки – джинсы, рубашка поло и пиджак. Легкий намек на брюшко состоятельного человека. Матовое обручальное кольцо глубоко врезалось в кожу. Обстановка кабинета тоже никаких наводок не дает. Два кресла из ротанга, между ними – журнальный столик, чисто убранный письменный стол, кушетка с бежевыми декоративными подушками и до отказа заполненный книгами стеллаж – правда, я сидела слишком далеко от него, чтобы различить названия на корешках. На расстоянии вытянутой руки от моего кресла стояла упаковка бумажных салфеток.

«Не дождетесь», – подумала я.

Услышав звонок мобильного, роюсь в сумочке, чтобы отключить звук. В тот же момент слышу, как в холле открывается дверь, и в проеме появляется Турбьёрн.

– Виктория. Проходите.

Я встаю с улыбкой. В кабинете он приветствует меня за руку. Дверь захлопывается, и я усаживаюсь в ротанговое кресло. Оно скрипит подо мной. Я уже не помню заученную вводную фразу. Турбьёрн кладет руки на колени. Смотрит в никуда ничего не выражающим взглядом.

Секунды тикают, пальцы сжимают подлокотники. «Я – компетентная, состоявшаяся личность».

– Дело в том, что у меня возникла небольшая проблема на работе.

Будиль

Когда я захожу в кафе «Табак», Виктория уже за столиком. А я ведь пришла на десять минут раньше срока – дочь унаследовала от меня приверженность к пунктуальности и даже немного усовершенствовала ее. Виктория сидит в дальнем углу, уставившись на экран своего мобильного. Несколько секунд я рассматриваю ее, а потом, взглянув в сторону входа, она резко поворачивается и окидывает меня взглядом с ног до головы. Может быть, ее недоумение вызывает мое новое весеннее пальто красного цвета? Признаться, в моем гардеробе таких вещей немного. Я собираюсь, делаю усилие над собой, чтобы идти нормально, но мне кажется, со стороны моя походка выглядит неестественно. Все мое внимание приковано к левой ноге.

Виктория пришла прямо с работы. Это видно по ее элегантной одежде. Изящный пиджак поверх тщательно выглаженной блузки, как и подобает юристу Финансовой инспекции. Способная всегда и во всем – это тоже моя наследственность, хотя наши усилия принесли разные плоды. Моя академическая карьера завершилась должностью менеджера по заказам и работе с клиентами в компании «Строительные и автомобильные стекла Берга». Со временем мне еще поручили бухгалтерию и контроль за складом, я работала так прилежно, что компания смогла оптимизировать издержки, сократив моих коллег, и на работе стало одиноко. Но собственник, конечно, моей работой был чрезвычайно доволен.

Виктория начинает говорить, как только я приближаюсь к столу.

– Я звонила тебе на неделе. Ты что, не видела мои сообщения?

Я откашливаюсь в ответ и начинаю нервничать. Как непослушный ребенок в ожидании заслуженного наказания. Дочь требовательно смотрит на меня, пока я расстегиваю пальто, пожалев, что надела его сегодня. Это перебор – красный цвет восклицательным знаком выделяет то, о чем я рассказывать не собираюсь.

– Сейчас, только разденусь.

Иду назад к входной двери. Правой здоровой рукой дотягиваюсь до вешалки и, повернувшись спиной к столику, закрываю на мгновение глаза и делаю глубокий вдох. Это ради нее, уговариваю я себя. Ради самой Виктории не буду ничего ей рассказывать. Только о разводе. Я держалась, стиснув зубы, тридцать лет, чтобы ничего кардинально не менять, не ставить под угрозу ее потребность в контроле над ситуацией. Сохраняла для нее стабильную базу, чтобы дочь смогла расправить крылья, которые я сама расправить так и не смогла.

Но больше я держаться уже не могу.

У столика стоит официант, я заказываю бокал вина. Виктория свой уже наполовину осушила, но от добавки отказывается и просит принести газированную воду.

Мгновение мы сидим молча. Я не знаю, с чего начать. Она успевает меня опередить.

– Судя по твоему сообщению, ты хотела что-то обсудить со мной.

Я медлю и подыскиваю одну из заранее заготовленных фраз.

– Да. У меня грустные новости. – На лице дочери я успеваю прочитать много эмоций, прежде чем набираюсь мужества продолжить. – Понимаю, что это может тебя огорчить, но я рассталась с Кристером. На развод подавать не буду, а жить собираюсь отдельно.

Виктория открывает рот и молча смотрит на меня. В это мгновение я начинаю слышать звуки вокруг и отдыхаю, переключая внимание на несущественное.

– У тебя появился другой? – произносит она наконец.

– Да нет, что ты. – Ее вопрос звучит так абсурдно, что вызывает у меня улыбку. – И где же мне встретить другого? В автобусе по пути с работы домой, что ли? А где еще?

– Ну мне-то откуда знать? – она пожимает плечами и выдерживает секундную паузу. – Может, на работе.

Я предпочитаю промолчать. Как мало ей известно о моей жизни. Разговоров о работе лучше избежать – не хочу рассказывать, что уволилась. Будет трудно объяснить, не раскрыв всей правды.

– А что Кристер? Ты сказала ему? – сдержанно спрашивает Виктория. Выражение ее лица меняется при упоминании отца.

– Конечно, сказала.

– И что он думает по этому поводу?

Я пожимаю плечами:

– Честно говоря, не знаю.

Я на самом деле не знаю. Может быть, когда я паковала свою одежду, он был в состоянии шока, потому что ничего не сказал. Просто стоял, скрестив руки на груди, и как-то снисходительно улыбался, будто думал, что скоро я опять начну развешивать вещи по местам. Лишнее доказательство того, насколько плохо он меня знает. За тридцать лет я ни разу не угрожала ему уходом. Ни единого раза.

Использовать такие фразы было его прерогативой.

– Тебе лучше обсудить это с отцом. Теперь вы должны выстраивать свои отношения самостоятельно, без моего посредничества.

Я действительно выступала в качестве посредника между ними. Они уже много лет не разговаривали друг с другом без крайней необходимости. Иногда я созваниваюсь с дочерью, потом пересказываю наши разговоры Кристеру, и, хотя я вижу, что ему интересно, он почти не задает вопросов. В те редкие случаи, когда Виктория навещает нас, дочь с отцом держатся в рамках вежливости.

– Посредничество? – фыркает дочь. – Вот, значит, как ты это называешь.

Я чувствую, как напрягаюсь всем телом. В ее манере поведения появилось что-то новое, чего я раньше не замечала. От этого уверенность покидает меня еще быстрее.

– Да, ведь можно сказать, что я была вашим посредником, разве не так?

– Я бы скорее назвала тебя адвокатом.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты знаешь, что я имею в виду. Отец может вести себя как угодно, но это не имеет ровным счетом никакого значения, ты всегда принимаешь его сторону и находишь ему оправдания, которые он сам бы не сформулировал, даже воспользовавшись словарем.

Меня пугает эмоциональное возбуждение, сквозящее в ее голосе. Проявления злости всегда вызывали у меня испуг. С понедельника я выработала иммунитет, но против гнева Виктории он, очевидно, оказался бессилен.

– Я ведь не защищаю Кристера, или ты правда так считаешь?

– Конечно, защищаешь.

– Ну ты же знаешь его, ему всегда было трудно признавать свои ошибки, он делает, что может.

Я ловлю себя на мысли, что говорю умоляющим голосом. Виктория с безразличием наблюдает, как я блуждаю, пытаясь выбраться из собственной ловушки. Насколько же глубоко сидит во мне эта привычка. Даже сейчас, когда

я перестала отрицать очевидное, потому что сама жизнь заставила меня посмотреть правде в глаза.

Я и Кристер.

Тридцать лет.

Внезапно со всей ясностью осознаю, что тот, кто всегда демонстрирует свое недовольство, обладает отвратительной властью.

Официант возвращается с водой и вином. Сердце тяжело бьется, пока я наблюдаю, как он накрывает на стол, и вспоминаю все ссоры Виктории с отцом. Все попытки дочери высвободиться из-под его влияния – в то время ни один семейный обед не обходился без их споров. Ее горячему энтузиазму Кристер противопоставлял унизительные замечания. Здесь твои знания, конечно, хромают. В следующий раз почитай побольше и постарайся понять контекст, прежде чем формировать свое мнение. Эта его неуемная потребность в самоутверждении. Он реализовывал ее даже за счет собственной дочери, когда та стала достаточно взрослой, чтобы оказывать ему сопротивление.

И тут еще я в качестве зрителя, с огнетушителем наготове.

Некоторое время мы сидим молча. Виктория теребит салфетку. Отводит взгляд.

– Я не понимаю, почему ты так долго терпела, почему давно не развелась?

Слова дочери ошеломляют меня. В следующую секунду, к своему изумлению, я начинаю злиться. Виктории всего тридцать и, насколько я знаю, живет она одна. И еще берет на себя смелость упрекать меня. Как мало ей известно о всех подводных течениях жизни в браке, о всех незначительных с виду переменах, которые заметны лишь на расстоянии, о покорности, возникающей, когда так многое угасло, что душе остается только блуждать в потемках, не находя выхода.

Дочь не знает, чем я пожертвовала ради нее.

Внезапно меня охватывает непривычная усталость. В моем новом пристанище легко было сосредоточиться на главном. Лента времени сложилась в чуть заметную складку, и я спряталась в ней, в недосягаемости для прошлого и будущего. А Виктория своими словами расправляет ленту и заставляет меня покинуть тайное убежище.

Забывшись, пытаюсь взять бокал левой рукой. Она бессильно скользит вдоль ножки, и когда я замечаю свою оплошность, дочь успевает обратить внимание на мой скрюченный средний палец.

– Что у тебя с пальцем?

Я торопливо прячу руку на коленях.

– Ничего, просто руки окоченели немного.

– Дай, я посмотрю. – Виктория кивает в мою сторону.

Она берет меня за руку и слегка сжимает мой палец. Прикрыв глаза, я тайком наслаждаюсь ее прикосновением, всего секунду, пока дочь не видит.

– А я смотрю, ты уже сняла обручальное кольцо.

Так называемый побочный симптом. За последние четыре месяца течения моей болезни таких нашлось много.

– Хочешь забрать его себе?

– Нет, спасибо.

– Его можно переплавить и сделать что-нибудь другое.

– Нет, оно мне не нужно. – Виктория отпускает мою руку. – Ты не хочешь показаться врачу?

Ложь спешит мне на помощь. За неделю я выдумала много объяснений, но решила держаться как можно ближе к правде. Не лгать, а лишь умалчивать.

– Может быть, посмотрим, – отвечаю я.

На фоне того, что я скрываю, любая ложь покажется незначительной. За последние полгода я посетила многих врачей. Сначала участкового. Потом рентгенолога, ортопедов и неврологов. Я прошла все возможные обследования, раскрывшие тайны моего тела в толстой карточке многочисленными латинскими терминами, в которых можно разобраться, только имея медицинское образование. Все это – чтобы найти причину слабости в левой руке, онемения среднего пальца и левой ноги.

– И где ты будешь жить? – Виктория отставляет винный бокал в сторону и делает глоток газированной воды.

Мои сомнения означают, что свое пристанище я хочу сохранить в тайне. Я должна оставить себе возможность выбора еще ненадолго. Мне не нужна помощь. И сострадание тоже не нужно. Я только хочу привыкнуть к ощущению бренности и поближе познакомиться с неизвестным.

– Пока живу у коллеги с работы.

Опускаю глаза, удивляясь, как легко солгать. С какой легкостью ложь пришла мне на помощь. Мир вокруг остался прежним, но я больше уже не принадлежу ему, я вышла за его пределы и никогда не вернусь назад. Вру в глаза собственной дочери, потому что это – лучшее, что я могу сделать. Хотя, как знать, может, ей было бы совершенно все равно.

Разглядывая Викторию, я понимаю, что очень многого не знаю.

– Я думала, ты рассердишься. Или расстроишься.

– По поводу вашего развода?

– Да.

– Почему, скажи на милость?

Я пожимаю плечами и принимаю неопределенное выражение лица.

– Ты всегда боялась изменений.

Очевидно, мои слова удивили ее.

– Разве? И в чем это выражалось?

– Ты не помнишь – в детстве? Мы не могли ни одну вещь дома передвинуть. Все должно стоять на своих местах, как всегда. На Рождество все гномики и подсвечники расставлялись в строго определенном порядке, а если мы меняли что-нибудь из обстановки, старая мебель некоторое время хранилась в кладовке, чтобы ты могла привыкнуть. Не помнишь?

– Мама, мне тридцать лет. С тех пор, между прочим, много воды утекло.

– Да, конечно, но ты всегда была… – я умолкаю, внезапно удивившись, отчего я настаиваю на своем. Почему мне так важно услышать от дочери подтверждение собственных слов. Если все это не ради нее, как мне еще оправдаться?

Дочь откидывается на спинку стула, и у меня возникает ощущение, что она раздумывает в нерешительности. Виктория отпивает немного воды и продолжает сидеть, разглядывая бокал. Я вижу, что она хочет высказаться, но выжидает. Мне опять становится страшно. У дочери есть мужество, которого мне никогда не хватало, она не боится принимать вызовы, о которых я не смела и мечтать. Виктория принадлежит к другому поколению – поколению тех, кто умеет за себя постоять. Но бывает, что озвученная ею правда причиняет боль. Оттого и страх – на этой неделе я уже свое получила. Латинское название еще не успела запомнить. Да это и неважно, я все равно не собираюсь никому рассказывать. До тех пор, пока смогу скрывать.

Диагноз мне поставили в понедельник. Я неизлечимо больна. Нервные клетки моего головного и спинного мозга разрушаются, вызывая мышечную атрофию.

Со временем меня ждет паралич дыхательных путей. Если верить статистике, жить мне осталось около двенадцати месяцев.

– Я начала ходить к психотерапевту, – говорит дочь.

Я слышу, но думаю только о моей тайне. Из-за нее мы находимся в разных мирах и говорим на разных языках. Виктория не знает, что время гонит меня к своему концу, туда, где я буду ни для кого не досягаема. Она не знает, что слова надо подбирать с осторожностью.

– Я осознала, что мне надо разобраться в самой себе, – продолжает дочь. Она бросает на меня взгляд, которого мне хотелось бы избежать. Потом опускает глаза и начинает водить пальцами по стакану с водой. – Все началось с того, что я прочитала несколько книг о самопомощи. О самоощущении, моделях поведения и тому подобном. И вот тогда я поняла, что мне необходима терапия.

Я не хочу ее слушать, но послушно сижу и жду продолжения.

– Взять, например, отношения. То есть, я хочу сказать, любовные отношения.

Сидящая рядом с нами компания встает из-за стола и уходит, и мне внезапно хочется последовать за ними.

– Я не знаю, как объяснить, но у меня никогда не получается их выстроить. Мне стало совершенно очевидно, когда я прочитала эти книги. Я хочу сказать, с оглядкой на тебя и отца. – Она опять опускает глаза.

– Что ты хочешь сказать?

– Ну, я имею в виду ваши отношения. Не лучший пример перед глазами.

Моя граница нарушена. Я чувствую, как гнев, который сдерживался на протяжении пятидесяти пяти лет, вырывается наружу и, не в силах совладать с порывом, извергаю слова.

– Вот как! Значит, теперь я услышу, какой плохой матерью я была? Ты об этом? Как паршивое детство испортило тебе всю жизнь? Так вот я тебе скажу,

Виктория, – ты и понятия не имеешь о том, что такое паршивое детство.

Я слышу собственные слова, но эхом во мне отзывается другой голос, и я прихожу в ужас оттого, что эти слова могли слететь с моего языка. Как слова, которые я обещала никогда, никогда в жизни не говорить своему ребенку, отразились эхом через поколения. Вижу изумление и страх на лице Виктории. Первый раз в жизни я подняла голос. Выложила все, что чувствую, предварительно не обдумав последствия.

Это право всегда принадлежало другим.

– Ладно, – говорит дочь, забирая свою сумочку. Прежде чем подняться, она достает из бумажника и кладет на стол купюру в сто крон. Я не в состоянии вымолвить ни слова. Ее мгновенная капитуляция перед внезапным проявлением моей злости ввела меня в ступор. Мой новый взгляд на жизнь позволяет сразу заметить, что дочь унаследовала мой страх. Страх лишиться той крошечной доли любви, на которую еще можно надеяться.

Повернувшись к выходу, вижу, что Виктория уже ушла. Я осталась одна в помещении, где полно людей. Слышу гул пятничного вечера и беззаботную, ничего не значащую болтовню. Они по-прежнему живут в мире, где по наивности говорят: «если я умру», – а я хочу встать и закричать: «Правильно говорить “когда”! Когда я умру! Я отличаюсь от вас тем, что вижу, как исчезают дни».

Положив еще сто крон на стол, поднимаюсь с места, чтобы идти домой. Мерзну в своем нелепом весеннем пальто. Выбираю длинную дорогу, хотя времени в обрез. Дело не в скорости шагов. Я тороплюсь расставить все по местам.

Разобраться, чтобы иметь силы покинуть.

В узких переулках меня внезапно настигает паника. Я осознаю степень своей сосредоточенности – чтобы не поддаться панике, требуется вся моя сила воли. Встреча с Викторией нарушила мой хрупкий баланс. Нет теперь ни отговорок, ни смягчающих обстоятельств. Мне сразу становится ясно, как мелочна была моя неспособность жить и сколько возможностей я упустила. Все эти бесполезные разговоры, в которых главное всегда обходилось молчанием. Все потерянное время и все, чем я пренебрегла.

Я тороплюсь, насколько мне позволяет ненадежная левая нога, поворачиваю направо в переулок Йорана Хельсинге и уже на подходе к подъезду спотыкаюсь о булыжник и прислоняюсь к стене, чтобы не упасть.

Задерживаюсь на мгновение, сначала – чтобы восстановить дыхание, а потом, успокоившись, стою просто так.

Прислушиваюсь к шуму пятничного вечера. Дрожу на морозном воздухе. Он пахнет чадом, который доносится, наверное, из близлежащего ресторана, где повар готовит еду для нетерпеливых гостей. Или, может быть, это семья хлопочет над пятничным ужином где-то там, за светящимися окнами. В конце переулка идет какая-то компания. Звук голосов то нарастает, то смолкает. Шаги затихают. Никто из них не знает, что их ждет. Может быть, для кого-то этот вечер изменит всю жизнь, а для других пройдет незамеченным.

Подняв глаза туда, где между домами темнеет кусочек неба, я вижу горстку звезд. Вот если бы у меня осталась моя детская вера в сверхъестественное. Помню, как меня зачаровывали россыпи звезд на небе и мысли о бесконечности космоса. С тех пор прошло много лет, и вот я долго стою и думаю, какие вопросы еще имеет смысл задать. И не могу придумать ни одного, который казался бы мне значимым.

Оставив звездное небо на произвол судьбы, нажимаю код подъезда.

Довольно скоро я завершу свой путь и, может быть, там, на финише, наконец узнаю, зачем все это было.

Андреас

Мысли сводят меня с ума.

Я пережевываю вновь и вновь все «если бы», восстанавливаю хронологию событий с начала до конца и в обратном порядке, и все равно не нахожу ответа, который бы меня удовлетворил.

Я пытаюсь найти ключевой момент, положивший всему начало. В точности определить, когда был дан старт случившемуся. Отматываю время назад, но от каждого события в разные стороны идут новые ответвления, каждому эпизоду предшествует тысяча случайностей, которые обусловлены стечением тысячи других обстоятельств, возникших ранее.

Может быть, это произошло, когда я согласился нарисовать проект отеля? Какие совпадения и случайные встречи привели к тому, что выбрали именно меня? И что вообще подвигло их на строительство этого отеля? Если бы я отказался, мы с коллегой Каролиной не пошли бы на встречу с заказчиком и у нас не было бы повода пройтись по стокгольмскому Сити мимо этого ювелирного магазина. Если бы мужа Каролины не усыновили в свое время из Кореи, их дочь никогда не появилась бы на свет, не отмечала бы день рождения и не заказала бы в подарок брелок к своему браслету. Тогда мы просто прошли бы мимо, не останавливаясь.

Но мы зашли внутрь.

В результате миллиона случайных совпадений, которые сплелись в бесконечную сеть, именно мы и именно в этот момент зашли именно в этот магазин.

Кроме нас, покупателей не было. Каролина стояла у прилавка, выбирая брелок, а я коротал время, разглядывая часы в стеклянной витрине. С того места, где я стоял, входную дверь было не видно, и я не заметил, как она открылась. Потом все произошло очень быстро. Из-за закрывавшей обзор витрины я увидел краем глаза, как Каролину оттолкнули в сторону. Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что произошло. Человек в черной куртке с натянутой на лицо маской направил пистолет на женщину, стоявшую за прилавком.

– Money! Gold! Quick![4 - Деньги! Золото! Быстро! – англ.]

Продавец стояла как парализованная, глядя на оружие. Мужчина тряс перед ее лицом полиэтиленовым пакетом из магазина H&M. Не помню, думал ли я о чем-то в этот момент. Мой разум не реагировал, у меня никогда не было прежде подобного опыта.

– Hurry![5 - Скорее! – англ.]

Грабитель опустил пакет на прилавок. Женщина по-прежнему стояла, не двигаясь. Не знаю, почему он вдруг заметил меня. Может быть, я пошевельнулся или он услышал мое дыхание. Долю секунды мы смотрели друг другу в глаза. Два пылающих глаза в отверстиях бандитской маски. Как будто в меня воткнули кол. Страх захлестнул меня, заполнив все мое существо. Грабитель бросился ко мне и приставил оружие к виску.

– Down! Down![6 - На пол! На пол! – англ.]

Я невольно поднял руки над головой и опустился на колени, потом, чувствуя дуло у виска, лег на пол. Я лежал на боку, подтянув к себе колени и съежившись, пытаясь исчезнуть. Я хотел спрятаться, закрыв голову руками, но боялся коснуться пистолета. «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое».

– Money![7 - Деньги! – англ.]

Я взглянул вверх, но понял, что грабитель кричал продавщице. Меня пронзила мысль, что он нереален, что это – безликое зло, воплощенное в человеческом образе. Но потом я почувствовал запах тела, смешавшийся с запахом мыла или дешевого одеколона. Этот запах. Внезапно со скоростью молнии в моем сознании мелькнул и тут же исчез другой эпизод.

– I will kill him! Give me money![8 - Отдавай деньги! Или я убью его! – англ.]

Угроза прошла по мне электрическим разрядом. Я был в его власти и не мог ничего предпринять. Женщина продолжала стоять за прилавком, ее руки беспомощно висели. Открыв рот, она смотрела на меня ничего не понимающим взглядом. Напор дула усилился. Я лежал неподвижно. Все мое тело было абсолютно беззащитно. «Я не хочу умирать. Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое. Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое…»

Прошло то ли десять секунд, то ли год. Ни один другой момент в моей жизни не был так оторван от реальности. Я лишь взывал к божьей помощи, впервые в жизни обращался к Богу, но знал только первую строчку. Открыв на мгновение глаза, я увидел ногу в джинсах и потертые кроссовки Nike. Зеленое пятно от травы. Он ходил по обычному газону и запачкал обувь травой, как обычный человек. «Он – обычный человек! Пожалуйста, не убивай меня! На моей обуви

есть такие же пятна от травы! Я такой же, как ты! Отче наш, пожалуйста, сущий на небесах, я не хочу умирать!»

Спустя вечность я услышал шуршание полиэтиленового пакета и взглянул вверх. Стоя у прилавка, Каролина снимала брелоки с бархатных подставок. «Открывай кассу!» – кричала она, обегая прилавок. Каролина нажимала все кнопки подряд, но, так и не добившись результата, толкнула продавщицу, и та вышла из оцепенения. Услышав звук открывающегося ящика кассы, я увидел, как Каролина сгребает в кучу его содержимое и кидает в пакет из H&M.

– It's all money they have. Here! Please don't kill him[9 - Это все деньги, что у них есть. Вот! Пожалуйста, не убивайте его. – англ.].

Давление на висок ослабло. Поднявшись на ноги, мужчина помчался к прилавку, схватил пакет и, держа пистолет наготове, попятился к выходу. Толкнув ногой дверь, он убрал оружие и в следующее мгновение исчез в толпе на Дроттнинггатан.

Я продолжал лежать, не в состоянии подняться. Ни один мускул мне не подчинялся. Удары пульса отдавались в каждой клетке моего тела, меня било крупной дрожью. Подбежавшая Каролина пыталась поднять меня с пола.

– Звони в полицию! – закричала она женщине за прилавком, но та не реагировала. Только тяжело дышала, не отрывая взгляда от входной двери. Каролине удалось немного приподнять меня, и я полулежал, опираясь спиной о стену. Одной рукой придерживая меня за плечи, другой она рылась в своей сумочке. Продавщица осела за прилавком на пол. Из разговора Каролины с полицией я помню только отдельные слова. Ограбление, пистолет, в маске, черная куртка, пакет H&M. Больше до прихода полиции я ничего не помню. Мужчина и женщина, еще двое полицейских остались стоять у входа. Только в этот момент Каролина перестала себя контролировать, опустилась на пол и разрыдалась.

– Черт, черт, черт. – Она сидела, наклонившись вперед, обхватив голову руками.

От этого вида по телу пробежал нервный импульс, и мышцы вновь обрели силу. Мне удалось подняться на ноги. Женщина за прилавком шумно задышала. Полицейские присели на корточки рядом с обеими женщинами, которые все еще

переживали шок, и повернулись в мою сторону, чтобы уточнить информацию.

– Вы видели, в какую сторону он убежал?

– Влево.

Женщина-полицейский повторила мои слова, передав их по рации.

– Как он выглядел?

– Не знаю, на нем была маска. Среднего роста, как я приблизительно. Белые кроссовки Nike. Довольно поношенные. Одет в джинсы и черную куртку.

– Что-нибудь еще? Можете ли вы оценить его возраст по голосу или другим признакам?

Я отрицательно покачал головой.

– Без понятия, кажется, довольно молодой, но точно сказать трудно. Он говорил по-английски.

– С акцентом?

– Не знаю.

– Вы заметили цвет его глаз?

Резкий толчок в груди. Кровь стала пульсировать, каждый удар сердца отзывался во всем теле, до кончиков пальцев.

– Вы видели его глаза?

Как ни странно, мне было трудно описать их. Я помнил только свои ощущения.

– Голубые или серые. Какие-то светлые. Я видел их всего мгновение.

Каролина немного успокоилась, и полицейский, который был рядом с ней, подошел ко мне. Положил руку на плечо и подвел к двери. Обращаясь ко мне, он понизил голос:

– Послушайте, какой у вас размер брюк?

Вопрос прозвучал настолько неуместно, что я, повинуясь рефлексу, опустил взгляд. Темное пятно растекалось от паха по левому бедру. Я стремительно повернул голову в сторону Каролины, чтобы понять, видит ли она меня, но ее внимание было поглощено мобильным телефоном.

– Назовите ваш размер, и я попрошу кого-нибудь из парней, караулящих вход, заглянуть в магазин напротив. Это будет быстро. Они включают мигалку и проходят без очереди.

Я был не в состоянии улыбнуться его шутке. Полицейский исчез за дверью и отдал распоряжение коллеге. Я остался стоять, повернувшись спиной к остальным. Потом мой благодетель вернулся и опять подошел к Каролине. Со своего места у входа я видел, как подошли мужчина и женщина и обратились к полицейскому, стоявшему снаружи. Мгновение спустя они зашли в магазин. Когда они проходили мимо меня, я отвернулся, чтобы не заметили. Это были сотрудники кризисной группы сети магазинов – они опустились рядом с женщиной за прилавком.

– Андреас! – крикнула Каролина, и я повернул голову в ее сторону, чтобы показать, что услышал ее. – Нас подвезут до офиса, если мы хотим. Или ты хочешь домой?

– Поедем в офис.

Каролина подошла ко мне, и я отвернулся. Внезапно осознал, что от меня, наверное, пахнет. Положив руку мне на плечо, она мгновение стояла молча. По этому жесту стало понятно, что уже все заметила.

– Ничего страшного, Андреас. Мне кажется, я тоже слегка обмочилась.

И только тогда я почувствовал злость. Яростное желание что-нибудь размозжить, разбить в пух и прах, снять напряжение, сковавшее болью мое тело. В дверях появился полицейский с моим пакетом в руках. Избегая его взгляда, я схватил пакет и, прикрывшись им, обошел прилавок и прошел в помещение для персонала. Рванул ручку. Чертов чулан. Чертов склад. Чертова ссаная кухня и совершенно отстойный стол в этом проклятом, ссаном ювелирном магазине, который надо бы стереть с лица земли. Найдя туалет, я заперся в нем, избегая своего отражения в зеркале. Сорвал ценники с темно-синих джинсов и зеленых трусов. Свои вещи затолкал на дно мусорной корзины. Натянул брюки, длинные штанины подогнул. Сполоснул лицо холодной водой и, когда удалось немного успокоиться, вернулся в торговый зал.

Мы возвращались в офис на полицейской машине. Каролина позвонила и рассказала, что произошло, поэтому коллеги встретили нас у дверей. Мы собрались на кухне. Все хотели услышать подробности об ограблении, и мы рассказали. Говорила в основном Каролина. Я достаточно быстро осознал, что ее переживания не совсем совпадают с моими воспоминаниями. Например, время. Последовательность событий. Все время, пока она рассказывала, я сидел и думал, в какой момент обмочился. Каролина этот эпизод не упомянула, а я поражался, сколько места он занял в моем собственном сознании.

Унижение.

Оказаться беспомощной жертвой чужого насилия.

Должен ли я был отреагировать по-другому? Физически я достаточно силен и натренирован, и грабитель по росту и весу не отличался от меня. Почему я не сразился с ним? Не перехватил пистолет, хотя мог дотянуться до него? Почему не пытался побороть грабителя? Я был единственным мужчиной, и только я мог с ним справиться. Может быть, я внушил себе это сам, но мне показалось, будто над столом повис незаданный вопрос. От других, не от Каролины.

– Полиция предложила психологическую помощь, если мы почувствуем, что в ней есть необходимость. Нам дали телефон горячей линии для жертв преступлений. Ты не хочешь позвонить, Андреас?

– Что?

– Обратиться за психологической помощью по горячей линии для жертв преступлений?

– Не знаю. Думаю, нет.

Один из коллег советовал позвонить. Другие полагали, что это уж слишком, и не понимали, чем нам могут помочь. Что случилось, то случилось. И ведь никто же не пострадал.

– Мне все равно кажется, что лучше поговорить с психологом или кем-нибудь еще, – настаивал один из коллег. – Я читал об этом. После таких переживаний может возникнуть посттравматический стресс, вроде так его называют.

Нам задавали вопросы. Раз за разом Каролина возвращалась к подробностям, о которых уже рассказывала. А я становился все более молчаливым. И все время сравнивал себя с Каролиной. Она поступила безупречно. Возможно, именно благодаря ее действиям я остался в живых. Я никак не мог отогнать вопрос, смог бы я сохранить такое же присутствие духа, если бы мы поменялись ролями. Ответа на этот вопрос я не знал. Может быть, я впал бы в ступор, как женщина за прилавком.

Внезапно я почувствовал, что соскучился по ?се и детям. Я инстинктивно вытеснял их из сознания, они не умещались рядом с такими мыслями. Взглянув на часы, я сказал, что мне пора домой, чтобы успеть отвезти Майю на тренировку. Каролина, поднявшись, обняла меня.

Как только я закрыл за собой дверь, меня охватило еще одно неприятное волнение: что скажут обо мне за глаза?

На полпути к метро я остановил такси. Меня довезли до станции Сальтшё-Дувнес, где утром я оставил машину.

Самым обычным утром.

Всего-навсего семь часов назад. Я долго сидел на водительском месте. Смотрел на старое здание вокзала и провожал взглядом электрички, каждые двадцать минут проносившиеся мимо. Люди садились на поезд и сходили с него,

некоторые лица были знакомы мне по родительским собраниям в школе. Мне было просто необходимо посидеть и понаблюдать за привычным ходом событий. Вернуться к своему обычному состоянию, прежде чем воссоединиться с семьей. Спустились сумерки. Маленькая парковка постепенно пустела. «Я не могу рассказать об этом, – думал я. – По крайней мере, ?се и детям. Особенно детям. Я не имею права передать им этот страх. Отцы не должны, пасуя перед угрозой, беспомощно лежать под дулом пистолета и молить о пощаде. Отцы оберегают от зла. А ?са? Что из случившегося я смогу рассказать ей? Я же ее знаю, она вытянет из меня все подробности. Захочет в точности узнать, как все произошло, а потом будет возмущаться, почему это случилось именно со мной, и попытается, что-нибудь предпринять. А уже поздно. Ничего не поделаешь».

Я подумал о своих родителях. Как они все детство были рядом со мной, создавая чувство безопасности. Мы жили в таунхаусе в Эскильстуне. Папа работал учителем, мама – зубным врачом-гигиенистом, оба имели активную жизненную позицию и состояли в общественных организациях. Помню, как они старались сделать мир хотя бы немного лучше. Говорили, что все люди по сути своей добры. Что некоторые сбиваются с пути, но на это всегда есть свои причины. Я подумал об отце, о том, как он болел душой за своих учеников и часто с грустью повторял, что уже в школьные годы можно предугадать, кто из учеников достойно справится со взрослой жизнью. Ему было достаточно одной встречи с родителями трудного подростка, чтобы предсказать его будущее. И как отец убивался каждый раз, когда оказывалось, что он был прав. Мой отец – умный и добрый. Он всегда знал, что необходимо предпринять.

«Нет, я не могу рассказать. Мои дети имеют право на чувство безопасности, с которым вырос я сам».

В прихожей пахло чесноком и карри. По вторникам и четвергам готовит ?са, я готовлю по понедельникам и средам. Такое распределение обязанностей позволяет нам через день задерживаться на работе подольше.

– Привет! Ты вовремя! Через десять минут все будет готово.

Я зашел в ванную, снял одежду и, скомкав, затолкал ее в стиральную машину. На мгновение присев на корточки, я наблюдал, как барабан наполняется водой и делает оборот, а вещи постепенно намокают. Хотелось принять душ, но

пришлось довольствоваться мытьем рук. Когда ?са крикнула, что ужин готов, я стоял и рассматривал свое отражение в зеркале. Влажными пальцами пригладил волосы, натянул спортивные штаны и пошел на кухню.

– Только что звонила твоя мама. У них в Малаге двадцать градусов тепла.

– Звучит прекрасно!

– И не говори. Думаю, нам тоже стоит переехать туда, когда выйдем на пенсию. Твоему отцу, похоже, намного лучше с суставами. Да, кстати, я подумала про эту услугу, о которой мы с тобой говорили, – продукты на неделю. – ?са поставила на стол миску с рисом и подошла к холодильнику. – Родители Элин говорят, что это очень удобно. В воскресенье вечером на дом доставляют ингредиенты и рецепты для пяти ужинов, а дома нужно иметь только некоторые базовые продукты типа молока, масла и муки. Правда, здорово? Вильям! Майя! За стол! – Бросив на меня быстрый взгляд, она открыла банку с соусом чатни, потянула на себя ящик стола и достала ложку. – Как думаешь?

– Ну да.

– Подумай только, как будет здорово избавиться от необходимости планировать меню на неделю. Я уж не говорю о том, сколько времени мы сэкономим на выходных, если не будем сами закупать все продукты на неделю вперед. Пора к столу.

Майя и Вильям уселись на свои места. ?са положила им рис. Мы неоднократно обсуждали, что детям пора самим накладывать себе еду, ведь одному уже исполнилось семь, а другой – девять, но мы как будто вечно торопимся, ни в чем не допуская промедлений.

До конца вечера я как-то продержался. Сделал уроки с Вильямом, вычистил компьютер Майи от вируса, развесил стирку, потом, чтобы подольше побыть одному, разложил чистое белье. Может быть, я был молчаливее, чем обычно, но, похоже, никто из членов семьи ничего не заметил. Когда дети уснули, ?са предложила вместе посмотреть фильм. Я сказал, что хочу лечь пораньше. Сослался на то, что мне надо перед сном почитать инструкцию по обновлению чертежной программы. Больше часа я лежал, уставившись в буклет и не

прочитав ни единого слова, только периодически перелистывал страницы. Лишь когда ?са уснула, я отложил инструкцию в сторону и расслабился. Меня накрыла усталость. Этот день отнял все мои силы, и я жадно вдыхал воздух, словно запыхавшись. ?са лежала на спине, подложив руки под голову. Она касалась меня ногой явно не случайно.

Я перевернулся на бок и стал рассматривать ее, пытаясь дышать в унисон.

Моя жена, спутник моей жизни.

Внезапно все стало таким невероятным.

Я осторожно провел кончиком пальца по ее руке – ровное дыхание на секунду сбилось. Ведь я воспринимал нашу жизнь как данность. Мы встречались вечерами, засыпали в одной постели и вместе просыпались по утрам – все это было само собой разумеющимся. Я никогда не задумывался о хрупкости этого бытия, о том, что достаточно одного судьбоносного мгновения, чтобы все разрушить.

Меня охватило чувство глубокой благодарности. Я живу, и в моей жизни есть ?са и дети. Мысль о том, что я могу потерять их, невыносима. В этом свете мое решение утаить случившееся не выдерживало критики, казалось почти изменой. Пережитый страх нарушил мой внутренний мир, и если я не откроюсь ?се, она уже не будет знать, кто я такой.

Я провел пальцем по ее руке немного сильнее. Не хотел ее будить и все же хотел, чтобы она проснулась. ?са пошевелилась во сне, но потом ее дыхание вновь стало ровным. Я не мог больше лежать. Рывком встал с кровати и натянул на себя халат, а жена, несмотря на мои резкие движения, продолжала крепко спать.

На мгновение я задержался в дверях, надеясь на ее пробуждение.

Лампа в комнате Майи была погашена. Я включил свет в коридоре напротив, так, чтобы он освещал постель. Долго стоял и просто смотрел на спящую дочь. Потом зашел к Вильяму – он, как обычно, уснул с включенной лампой, и я присел на его стул у письменного стола. Вспомнил, как я проклинал время, когда пора было забирать детей из садика или с продленки. Как по утрам в выходные мне

хотелось спать вместо того, чтобы проводить время с детьми. И как тешил себя мыслью, что когда-нибудь они станут старше, и мне уже не придется разменивать свою жизнь на спешку.

В нынешних обстоятельствах это казалось немыслимым.

Как многое я мог потерять.

Я вновь лег в постель с твердым намерением рассказать обо всем на следующий день.

Но я этого не сделал.

Утро прошло в обычной спешке, и на работе все было почти как прежде. За обедом мы с Каролиной лишь коротко обсудили случившееся. Потом опять вернулись к профессиональной беседе и остаток дня посвятили подведению итогов вчерашней встречи по проекту строительства отеля. Настроение налаживалось. Вечером дома я не нашел в себе сил, чтобы разбередить все заново. Так и промолчал.

А дни все шли.

Наверное, я стал чаще оборачиваться в метро и болезненно реагировать на внезапные громкие звуки. Но в целом я справлялся. Я смотрел на семью другими глазами и научился больше ценить моменты, которые проводил вместе с ними. Мы с Каролиной продолжали работать над чертежами отеля, заказчик был доволен, приближалась финальная стадия проекта. Поэтому мой срыв оказался полной неожиданностью. Это случилось в скором времени после окончания обеденного перерыва. Я сидел за чертежным столом. Каролина стояла немного поодаль и обсуждала с коллегой свою новую квартиру.

– Мне там очень нравится. Осталось только несколько полок повесить, а так все уже обставлено. Надо будет кого-нибудь попросить помочь мне прикрутить их. Эти проклятые каменные стены.

Ничего из сказанного ко мне не относилось. И все равно вызвало мое раздражение, на каком-то физическом уровне. Что-то обожгло меня внутри.

Каролина закричала через весь кабинет:

– Данне, ты не заедешь ко мне, чтобы помочь просверлить дырки в стене? Мне нужно повесить полку.

Ручка выпала у меня из руки. Не в состоянии остановиться, я повернулся к Каролине со словами:

– А почему ты сама этого не сделаешь? Надо всего-навсего дрель купить.

– У меня есть дрель.

– Так в чем проблема? Надо просто просверлить.

Я понимал ее замешательство. Каролина не понимала, шучу ли я. Внутри у меня нарастал гнев, а голос стал грубым и резким.

– Ну и что это за равенство? Почему ты сама не можешь повесить свою полку?

Всякое движение в комнате прекратилось, все замерли. Все внимание было приковано ко мне, и я вскочил со стула.

– Нет, меня это бесит! Все мужики – козлы, говорите? Ни постирать, ни убрать, ни обеда приготовить не могут. А сами-то что? Уж равенство, так равенство – и женщины тогда должны меняться, чтобы освоить то, что раньше делали только мужчины. А как иначе? А если бы я тебя попросил прийти ко мне домой и помочь мне погладить рубашки? Как бы ты к этому отнеслась?

Вокруг все затихло. Я слышал лишь удары своего пульса. Кто-то поставил кофейную кружку на мойку, я вздрогнул и весь передернулся: – Как тут вообще можно работать, ни фига не сосредоточишься!

Собрав в охапку чертежи, я засунул их в сумку.

– Как меня достало все это занудство!

С этими словами я покинул офис. И с тех пор не возвращался. Но время идет. Каролина шлет мне по несколько сообщений в день, а ?са скоро потребует, чтобы я пошел в поликлинику.

Никто, кроме меня, не знает, что произошло.

Никто никогда меня не поймет.

Эти глаза. От них словно ожог остался на сетчатке.

Его лицо скрыто.

Мое – обнажено.

Он всегда узнает меня при встрече, я его – никогда.

Будиль

Я начала грезить. Не мечтать о будущем, конечно, – я и раньше-то этого не делала, а сейчас уже поздно – нет, ночью я устремляюсь в незнакомые края и получаю необычные впечатления. Меня удивляет насыщенность этих снов. Здесь и пейзажи, которых я не видела наяву, и люди, которых никогда не встречала; как, спрашивается, они оказались в моем мозгу? Откуда все это?

Во сне я часто стою у воды. Вижу, как под водной гладью движутся крупные рыбы – иногда это просто огромные тени, а иногда в прозрачной воде можно различить каждую блестящую чешуйку. Иногда рыбы пугают меня, хотя я стою на суше, и им меня не достать.

Пробуждаясь по утрам, я некоторое время лежу в постели, пытаясь подвести итог ночным приключениям, и воображаю, будто они чего-то хотят от меня. По крайней мере, помогают отсеять все мелкое, отсечь ненужное, обтесав значимое.

На этой неделе я осознала нечто важное для себя. И помогли мне в этом не сны, а Интернет. Я ввела слово «смерть» в строке поиска и получила 5 670 000 результатов. Вероятно, этому не стоит удивляться, ведь рано или поздно она коснется всех. Ничто так не объединяет людей, как смерть, хотя немногие готовы это признать. Для меня это способ познакомиться с понятием, но прочитанное вызывает у меня растерянность. Я не смогла узнать себя в текстах, где тревога и страх смерти считаются бесспорными, и это подтолкнуло меня к самоанализу. Может быть, со мной что-то не так? Потому что я не боюсь. Я не верю ни в рай, ни в ад, а пустота, которую я ожидаю ощутить, когда все закончится, представляется мне скорее освобождением. В определенные периоды жизни такая перспектива меня даже радовала. Стремление к покою. Или, быть может, к свободе?

Я отношусь к типу людей, которые крайне редко думают о том, что ждет их после смерти. Этот вопрос никогда не интересовал меня, потому что ответа на него все равно не найти. Я думала: «будь что будет», – и сейчас вдруг понимаю, что многое в моей жизни было точно так же пущено на самотек. Будто необходимость активного участия в собственной жизни страшила меня больше, чем то, что ожидает впереди.

Очень сложно представить себе состояние небытия. Мозг отказывается осознавать его, но на самом деле это всего лишь логическая проблема, которая будет решена сразу, как только отпадет необходимость думать.

Может быть, к смерти привыкаешь, когда она неоднократно проходит мимо, совсем рядом. Когда уносит самых близких тебе людей. Конечно, были моменты, когда смерть заставляла меня опуститься на колени, но я вновь поднималась, и жизнь шла своим чередом. Так почему моя собственная смерть должна восприниматься иначе? Считать себя незаменимой было бы верхом высокомерия. Утверждать, что именно мое присутствие на этом свете необходимо. Если я никогда не тосковала по временам, предшествовавшим моему появлению на свет, почему я должна испытывать тоску по времени, которое наступит после моей смерти?

Нет.

Боль утраты ложится бременем на оставшихся в живых. Тех, кто должен восполнить пустоту. И как бы плохо Виктория ко мне ни относилась, из собственного опыта я знаю, что самое трудное – закрыть зияющую дыру за тем,

чьей душевной близости тебе, положа руку на сердце, никогда не хватало. Поэтому я чувствую себя в долгу и беспрестанно ощущаю, как уходит время, но не знаю, что мне с этим делать.

С нашей последней встречи прошло две недели. Сколько раз я держала в руках телефон, а потом откладывала его в сторону, так и не позвонив. Я просто не могу подобрать слова.

Нет. Смерть сама по себе не пугает меня. Но при мысли о том, как я буду умирать, я начинаю задыхаться от бессилия. Все мои мускулы постепенно ослабевают.

Они перестанут действовать, один за другим, и наступит день, когда я окажусь на полном попечении других. И это страшит меня больше всего. Всю волю приходится собирать в кулак, чтобы не думать об этом.

Попросить о помощи – значит остаться в долгу.

А долгов у меня и так предостаточно.

Поэтому я приняла решение. Расспросив лечащего врача о возможных вариантах, я поняла, что имею право отказаться от терапии, поддерживающей жизнеобеспечение, но назначить лечение, которое ускорит мой конец, врач не может. Я не совсем понимаю, что она имеет в виду. Как я смогу отказаться, не имея возможности говорить? Язык и губы перестанут мне подчиняться задолго до моей смерти. Когда я не смогу больше глотать, меня будут кормить через зонд. Когда возникнут проблемы с дыханием, меня подключат к аппарату искусственной вентиляции легких. Когда я буду страдать от пролежней, запоров и сильных болей, мне будут давать болеутоляющие средства. И еще лекарства от тревожных состояний.

Но они не помогут мне умереть.

Я помню соседскую собаку. Которую выгуливала, притворяясь, будто она – моя. Когда собака заболела и жизнь стала для нее мучением, никто не сомневался, что ей надо помочь, усыпив. Такое решение рассматривалось как проявление любви. Я изнывала от тоски, а хозяева объясняли мне, что не прервать страдания собаки ради собственного утешения – эгоистично.

А с человеческой жизнью все по-другому. Когда тело отказывается бороться, его функции берут на себя различные аппараты, и каждая секунда продления жизни считается чрезвычайно важной, даже если она невыносима. Считается, что это вопрос принципа. Здоровые, мы имеем право распоряжаться своей жизнью, а за умирающих решение принимает общество. Мне это кажется странным. Каждый день я читаю новости об оптимизации здравоохранения и сокращении ресурсов. О том, как тяжелые больные месяцами ожидают лечения. Как на пределе возможностей трудятся медицинские работники, и как их угнетают недостаток времени и переполненные отделения, где пациентам приходится лежать в коридорах.

Так почему им непременно нужно поддерживать жизнь во мне?

Но с лечащим врачом я этими мыслями не делюсь. Когда стало понятно, что она мне не поможет, я начала осторожнее подбирать слова. Не хочу раскрывать свои планы тому, кто может помешать мне.

Потому что решение уже принято.

– Вы хорошо спите? – спросила меня врач, прервав повисшее на мгновение молчание.

– Нет, – ответила я, хотя на самом деле никогда так хорошо не спала, как сейчас, избавившись от храпа Кристера.

– Вам трудно уснуть или вы просыпаетесь по ночам?

– И то и другое.

Врач начала печатать что-то на компьютере.

– Я выпишу вам таблетки для засыпания и еще лекарство, которое позволит вам крепко спать до утра. Хроническая усталость – один из симптомов вашего заболевания, вам надо как следует высыпаться.

После приема у врача я сразу направилась в аптеку. Коробочки я поставила в шкаф в ванной комнате и смотрю теперь на них каждый вечер, когда чищу зубы.

Не знаю, сколько их потребуется, но я еще успею пополнить запас, прежде чем наступит нужный момент.

Я считаю, что это мое право.

Но время еще есть. Пока я еще дышу самостоятельно. И, как ни странно, чувствую себя живее, чем когда-либо.

Я сижу в оконной нише и пью утренний кофе. Соседи из квартиры напротив ушли на работу, поэтому смотреть особенно не на что. Ну и ладно. Я частенько теперь здесь сижу. Подумать только, ведь мне никогда было не усидеть на месте и всегда требовалось чем-нибудь занять руки. А сейчас могу сидеть часами и глядеть по сторонам. О многом надо поразмышлять. Иногда кажется, будто в голове у меня – разобранный пазл из тысячи кусочков, где почти ничего не нарисовано, кроме неба. Такой лежал обычно на сервировочном столике у моей бабушки на кухне – на его сборку уходили недели. Бабушка периодически подходила к пазлу и подолгу прикладывала разные кусочки, пока не находила нужный. Смысл этого занятия был мне недоступен.

А сейчас я поняла.

Я испытываю неустанную потребность собрать все детали. Сложить их воедино, получив обозримое изображение всех случайностей, сформировавших то, что стало моей жизнью. Наверное, это и означает – примириться со своей судьбой. Звучит слегка высокопарно, на мой взгляд, но прежде, чем умереть, я хочу разобраться, почему все случилось именно так, а не иначе.

Почему столько времени оказалось потрачено понапрасну?

На этой неделе я завела себе определенный распорядок. День начинается с чашки кофе в оконной нише, потом я отправляюсь на прогулку. Иногда проезжаю небольшой отрезок пути на автобусе, потому что хочу менять маршруты прогулок. Я ведь так многого еще не видела. Обедаю обычно где-нибудь по пути. Потом возвращаюсь домой, чтобы поспать. Силы у меня уже не те, что прежде, и отдыхать надо чаще. В четыре выхожу в ресторан. Я всегда выбираю один и тот же столик, и персонал уже начал обмениваться со мной парой слов – впервые в жизни я стала постоянным клиентом. Я беру с собой

книжку и читаю, потягивая вино, но в основном смотрю поверх страниц и украдкой прислушиваюсь к разговорам вокруг.

Придя домой, изучаю содержимое папиных коробок. Он свез сюда почти все, вот почему в его квартире сопровождаемого проживания было так мало документов и фотографий из личного архива. Я очень медленно все перелистываю. Каждая страница – еще один разыскиваемый кусочек пазла. Пока что найденное не раскрыло мне никаких тайн, но суть написанного черным по белому при новом взгляде становится еще очевиднее.

Вчера, проходя мимо турагентства, я обратила внимание на провокационную вывеску: «Десять мест на Земле, которые вы должны увидеть, прежде чем умереть». Предложение казалось соблазнительным, и я долго стояла перед витриной, размышляя. Я не могла придумать ни одного места, которое мне обязательно нужно увидеть, но вспомнила несколько таких, куда хотелось бы вернуться. Еще раз посмотреть на них новым взглядом.

Мы редко осознаем, что видим что-то в последний раз в своей жизни.

Домик бабушки и дедушки вблизи Нючёпинга. Я бы хотела вновь спуститься по тропинке к морю и проверить, помнят ли ноги каждый камень. Рощица за домом в Аспуддене[10 - Южная рабочая окраина Стокгольма, которая в 1940-1950-е годы застраивалась недорогим съемным жильем, а в 1960-х – начале 1970-х годов превратилась в социально неблагополучный район.], где мы снимали квартиру, – наше с Дороти пристанище во время маминых вспышек гнева; мы убегали туда, когда отец говорил, что она не совсем вменяема. Завораживающая тропа к озеру Троллей в заповеднике Абиску в Шведской Лапландии, где я однажды побывала с отцом.

Но в этой жизни всего получить невозможно.

Домик бабушки и дедушки продали в конце семидесятых, и тропа к озеру Троллей из-за ноги теперь мне недоступна. А вот в Аспудден я поеду сразу, как только допью кофе.

Я одеваюсь потеплее. Весна все еще заставляет себя ждать, последние дни было пасмурно. Впрочем, в переулки Старого города солнце попадает редко, так

что это не имеет большого значения. Я иду пешком к станции метро на площади Мэларторьет. Мужчина торгует цветами, и мне хочется купить букет. Там, куда я направляюсь, вручать его некому, но я теперь стараюсь следовать своим порывам.

Взгляд блуждает по цветочному буйству красок. В это время года продают в основном тюльпаны. Мне хочется купить что-нибудь другое, потому что тюльпаны пахнут отхожим ведром и описанными простынями из Гранебу.

– Десять тюльпанов за сорок крон, два букета за шестьдесят.

Продавец улыбается, и мы встречаемся с ним взглядами, но, засмотревшись на тюльпаны, я забываю ответить. Всю жизнь избегала этих цветов. Запах узнается даже по мимолетному виду. А ведь в Гранебу ноги моей никогда не было, и я не знаю, как там пахнет отхожее ведро и описанные простыни.

Зато это знала моя мама.

Можно ли перенять чужие воспоминания?

– Беру два, – слышу я собственный голос и достаю бумажник.

Поездка в метро занимает не больше одиннадцати минут. А кажется, будто я отправляюсь в другие времена. Я бреду вдоль улиц моего детства, мимо моей старой школы, дома, где раньше располагался кинотеатр «Трэнан», снесенного продовольственного магазина. Напрасно я ищу бассейн, куда мы с папой иногда ходили по воскресеньям – помню, как еще у входа в нос ударяли пары хлорки, и этот запах оставался на коже несколько суток спустя. Бассейн сровняли с землей, он уступил место детскому саду.

Я осознаю, что за прошедшие годы многое изменилось. А вот мои воспоминания совсем не обновлялись. У некоторых из них острые, словно лезвие, края, и я приближаюсь к ним с осторожностью. Другие отрывочны, и мне хотелось бы иметь возможность расспросить сестру о подробностях.

Моя младшая сестра Дороти.

Сестру назвали в честь главной героини «Волшебника из страны Оз» – фильма, который, по утверждению мамы, спас ей жизнь. Естественно, в первый же день в школе сестру из Доры переименовали в Дуру, но от мамы мы это тщательно скрывали. Мама столько раз пересказывала содержание любимого фильма, что, когда его, наконец, показали в кинотеатре Аспуддена, я плакала от разочарования по дороге домой. Незаметно, конечно – господи, в благополучных условиях моего детства поводов для слез и быть не могло. Просто мамина версия имела мало общего с тем, что разворачивалось на экране. Удивляться тут нечему, поскольку видела его мама всего один раз, а с учетом ее склонности все драматизировать искажения неизбежны.

Моя мама была человеком специфическим. Этому имелось свое объяснение, но в критические моменты оно служило нам слабым утешением. Никто никогда не сомневался в том, что ее детство прошло в аду. Я сомневалась в этом в последнюю очередь. Да и папа тоже – он всегда выступал на ее стороне. И все равно мама посвящала много времени тому, чтобы убедить нас. Наше добровольное сочувствие казалось ей недостаточным, рана была неизлечима, а глубину пережитых ею страданий нам никогда не осознать. Мама говорила, что ей нужно восстановиться, и никто, кроме нас – ее семьи, не мог помочь ей в этом.

Я не помню, в каком возрасте я впервые услышала мамин рассказ. Но после всякий раз знала, что меня ждет, когда она приходила ко мне со своим стареньким фотоальбомом. Сначала – подробности из маминых уст, потом – мой собственный ужас.

– Всего несколько недель от роду, точно неизвестно. Вот такой я была маленькой и беспомощной, когда меня нашли на крыльце детского дома в Видтуне.

Мама показывала фотографию достаточно красивого особняка с крыльцом, выкрашенным в белый цвет.

Когда я стала постарше, то смогла разобрать, что завитушки под фотографией означают год: 1929.

– Разве можно так с детьми? – помню я свой вопрос, заданный однажды, давным-давно.

– С детьми можно как угодно. Просто, как угодно. И я – живой тому пример.

Эти слова я запомнила навсегда.

– Первые годы жизни я провела в железной кроватке. Хотя я и была очень маленькой, я помню эти холодные металлические прутья, и как я раскачивалась, пытаясь сама себя убаюкать перед сном. Нас брали на руки, только чтобы поменять пеленки. Бутылочку с молоком я держала сама, как только научилась хвататься за нее руками.

На самой ужасной фотографии в альбоме была изображена палата с рядами детских кроваток вдоль стен. Дети в кроватках выглядели такими подавленными и несчастными, что от одного вида фотографии перехватывало дыхание.

– С детьми запрещалось нянчиться. Никого нельзя было выделять.

– Бедная мама, как тебе было одиноко.

– Да, Будиль, ни один человек на всем белом свете никогда не был так одинок, как я.

– А если вы с папой умрете, я тоже попаду в детский дом?

– Не болтай ерунду, мы не умрем.

– А если вы попадете под машину?

– Не задавай глупых вопросов. Радуйся лучше тому, что у тебя есть. В твоем возрасте все, о чем я мечтала, – это детство, как у тебя.

Я перестала задавать вопросы. Ответы лишь усиливали мою тревогу, и я научилась думать о другом, пока мама не закончит свой рассказ.

Спустя два года объявилась молодая женщина, назвавшая себя матерью. Имя отца она раскрыть отказалась, потому что мама родилась вне брака и из-за этого позорного факта считалась незаконнорожденной. Жестокое правовое понятие

тех времен. Фотографий бабушки не сохранилось, но я представляла себе истощенную, укутанную в шаль девушку в потрепанной одежде. Еще у нее был с собой узелок с серными спичками – хотя что такое серные спички, я не очень понимала. Правда, мама утверждала, будто ее мать вовсе не была из бедных. Позор родить незаконно был столь велик, что многих незамужних матерей заставляли принимать опрометчивое решение. Во всех слоях общества.

– Не уступай мужчине до замужества. Конечно, сейчас другие времена, но мужики всегда такими были и останутся – как только они получают свое, мы теряем нашу маленькую власть над ними. Не забывай об этом.

Я запомнила, но когда поняла, что имеется в виду, уже успела превратиться в одну из тех, кто на школьных танцах-обжиманцах всегда стоит в сторонке. А в отсутствие предложений уступить невозможно, хочешь ты этого или нет.

В любом случае мама моей мамы объявилась. Она вышла замуж и хотела забрать дочь к себе, однако к этому моменту врач детского дома диагностировал у моей мамы глубокую задержку развития и умственную отсталость. Поэтому бабушке посоветовали забыть о ребенке. В те времена считалось, что общество необходимо защитить от инвалидов и людей с нарушениями интеллекта, и решали эту проблему, скрывая их от человеческих глаз в закрытых учреждениях. Моя мама осталась в детском доме еще на год, а потом ее отправили в интернат для идиотов. Так называли в народе эти учреждения.

– Мне было всего три года от роду, а я жила со взрослыми и подростками, мужчинами и женщинами с поражениями интеллекта и врожденными увечьями. Одному Богу известно, как я выжила.

После первого раза мне уже никогда больше не хотелось рассматривать фотографии из маминого альбома. И все же я видела их столько раз, что «Интернат для умственно отсталых, неподдающихся обучению» в Гранебу навсегда запечатлелся в моей памяти. Тюльпаны на грядках. Те самые, которые кто-то однажды выдрал с корнями, заслужив групповое наказание. Двое суток без еды в запертой палате.

Когда я была маленькой, я столько слышала об увиденном матерью за годы в Гранебу, что до подросткового возраста засыпала только при включенном свете.

К этому моменту я обычно опять начинала внимательно слушать мамин рассказ, потому что спустя несколько лет ее мучений случилось чудо. Сотрудники интерната начали подозревать об ошибке.

– Они заметили, что я отличаюсь от других. Взять хотя бы то, что я справляла потребности в туалете. Больше никто этого не делал, уж поверь мне. И я помогала другим, хотя была намного младше их, – заправляла кровати, натягивала носки, улаживала ссоры, и именно ко мне приходили обитатели интерната за утешением, когда им было грустно. Ничего удивительного, что сотрудники задумались.

«Золушка» и «Девочка со спичками» меркли на этом фоне. Продолжение превосходило все известные мне сказки, и я обожала слушать о том, как сотрудники тут же сообщили старшей медицинской сестре, доброй бездетной тетушке сорока с лишним лет, как проводили обследования и тесты, пока не установили, что мама соответствует уровню развития нормального пятилетнего ребенка. Хотя и с небольшим отставанием по мелкой моторике – пустые для меня маленькой слова. В альбом подшили и медицинскую справку. Запись, выведенная изящным почерком, гласила, что задержка маминого развития в раннем возрасте была обусловлена недостатком внешних стимулов.

Я обожала слушать, как мама переехала жить к старшей медсестре и как несколько лет спустя та удочерила ее. Было приятно слышать, что медсестру звали Будиль и что меня назвали в ее честь. Однако эта часть повествования обычно была лишена подробностей, свою жизнь у тетушки мама изображала широкими мазками и с гораздо меньшей страстью.

– Если бы ты только знала, как я всего боялась в первые годы у тетушки Будиль. Я так боялась сделать что-то не так, что-нибудь разбить – вдруг меня опять куда-нибудь отправят. Я ведь не знала, как организован обычный домашний быт, да и тетушка вначале предъявляла ко мне слегка завышенные требования. Но она была доброй, тетушка Будиль – этого у нее не отнимешь – и, надо полагать, она спасла мне жизнь. Если бы не ее поступок, ты бы тоже не появилась на белый свет. Только подумай, как невелики были шансы. Я могла бы с тем же успехом остаться в Гранебу навсегда, так и не встретила бы твоего отца, и ты бы никогда не родилась.

Мне до сих пор непонятно, выражала ли она этими словами свою благодарность.

У моей мамы было два состояния – сон и занятость. Она убирала, стирала, вытирала пыль, гладила, пекла и снова убирала. И так – непрерывно. Мне часто хотелось, чтобы моя мама больше походила на других мам, чтобы она занимала меньше места и чуть менее бурно выражала радость, злость, усталость, грусть или ревность, и не ругалась с продавщицей в магазине, трубочистом, соседом, подругами, мусорщиком или почтальоном. Причиной очередной вспышки маминого гнева могло стать все что угодно. Просроченная упаковка молока в витрине-холодильнике или следы, оставленные трубочистом на лестнице. Недостаточно любезно поздоровавшийся сосед или проспавший почтальон. Чувствам не позволялось пройти мимолетно, их надо было испытать в полной мере. Мы с Дороти научились приспосабливаться к обстоятельствам, умели затаить дыхание, пережидая бурю, и всякий раз, возвращаясь домой, открывали дверь в квартиру с осторожностью.

Временами я притворялась, будто с моей мамой все в порядке. Насколько я помню, обстановка дома могла быть вполне хорошей, пока не случится что-нибудь непредвиденное. Я старалась быть начеку – если вовремя обнаружить опасность, можно смягчить последствия.

Позже мне стало казаться, что мама получает удовольствие от ссор. Шум вокруг заглушал душевную боль. Пусть даже на мгновение.

История знакомства и развития отношений мамы с папой остается загадкой. Возможно, они влюбились в свои противоположности. Папа был восемью годами старше, спокойный и немногословный, выражался сдержанно и всегда по существу. Он родился с заячьей губой, и от носа к верхней губе у него проходил вертикальный шрам. Поэтому отец всегда носил усы, но гнусавый голос выдавал этот незначительный дефект. Может быть, именно поэтому он вырос таким молчаливым. Отцу было трудно подбирать слова. И тем не менее, когда меня одолевала тревога, я приходила именно к нему.

– Все будет хорошо, вот увидишь, – скупо говорил он. И мне становилось немного легче.

Отец переехал в Стокгольм, когда ему исполнилось шестнадцать, а дом его детства был для меня воплощением безопасности. Он располагался совсем рядом с Нючёпингом, и мы с Дороти часто гостили там на каникулах. Дедушка, работавший столяром, мог смастерить все что угодно из нескольких обрезков досок и горсти гвоздей. В мастерской, в пристройке, он с непривычным для нас

терпением позволял нам с Дороти работать на токарном станке и опробовать любой инструмент. Папа, вероятно, обладал таким же терпением, но он все время нас сторонился.

Бабушка ухаживала за садом, в котором росли яблони, сливы, груши, кусты малины, крыжовника и смородины. Все съедобное бабушка перерабатывала в варенье и повидло, а мы в дни летних каникул то и дело отправлялись на пикник, прихватив с собой корзинки с простыми булочками и черносмородинным морсом. Но больше всего мне запомнилась ловля раков на озере. Как лучи от наших карманных фонариков скользят по темной воде в августовскую ночь.

Только одной маме там не нравилось.

Об этом она сообщала папе по дороге домой.

– Я так не могу. Они постоянно говорят, как они гордятся тобой, и рассказывают, каким умненьким ты был в детстве. Разве ты не видишь – они относятся ко мне с пренебрежением? Я недостаточно хороша для их напыщенной семейки.

Это были те редкие случаи, когда папа выходил из себя. Но что он мог поделать? Мамино мнение приходилось принимать как данность. Я помню, как разгорались ссоры в поезде по пути домой, привлекая взоры других пассажиров. Как мне было стыдно за свою семью.

Иногда мне хотелось, чтобы папа немного чаще выходил из себя. Мне хотелось, чтобы он выставлял матери границы. Обычно отец становился мишенью. Молча стоял и выслушивал ее ругань, даже если она передразнивала его гнусавый голос. А когда мать переставала его обвинять, отец уходил, прихватив с собой бинокль и определитель птиц. Это злило ее еще больше. Впоследствии я задумывалась, не провоцировала ли мать его умышленно, чтобы получить ответную реакцию, подтверждение того, что она существует и что-то значит.

Но отец продолжал молчать. Возможно, это была его месть.

Отец работал старшим электромонтером на фабрике по производству кабеля в Лильехольмене и регулярно уезжал в командировки на несколько недель для подключения сложных объектов. В такие периоды мы вели себя тише обычного, чтобы не вызвать мамино недовольство. Если она шла вразнос в отсутствие

отца, мы были совершенно беззащитны. Когда он уезжал, мама часто грустила. Иногда, укладываясь спать, она просила меня посидеть на краю ее кровати.

– Всего минутку, пока я не усну.

Обращалась мама только ко мне.

И никогда не просила Дороти.

Как же я жалела свою маму, пока, пристроившись рядом, ждала, когда она заснет. Мне представлялись все испытания, выпавшие на ее долю. Повзрослев, я часто задавалась вопросом, в каких ситуациях от травмированного человека можно требовать ответственного выполнения роли родителя, который должен дать своему ребенку ощущение безопасности? Ведь как бы плохо с ней в свое время ни обошлись, она все равно была мне матерью, ая – ее ребенком.

Как и Дороти.

С сестрой нас разделяли два года и сочетание генов, перемешавшихся столь причудливо, что оставалось только удивляться, как нас могли произвести на свет одни и те же родители. И в то же время наше родство с ними было очевидно: сестра унаследовала материнские каштановые локоны, а я – блондинка с прямыми волосами, как почти вся папина родня. Я была худой и поздно достигла половой зрелости, а Дороти рано обрела женские формы, и месячные у нее пришли у первой в классе, а у меня – у последней. На коротких дистанциях Дороти была быстра как ласка, зато я всегда превосходила ее в выносливости.

Но наиболее явные отличия таились внутри. Нас отличало отношение к окружающему миру. Мы росли в одном доме, спали в одной комнате, ели одну и ту же еду и большую часть времени проводили вместе. И все равно выросли такими разными. Из-за этого я полагаю, что человеческая личность в основном закладывается уже при рождении, ведь, если предположить, будто человека формирует одна лишь среда, мы с Дороти противоречим науке.

– Ну так возьми одну!

– Нет, нельзя.

В гостях у бабушкиных знакомых Дороти обнаружила коробку конфет. Мы отправились изучать чужой дом, пока взрослые сидят на кухне и пьют кофе. Мне, наверное, лет восемь, а Дороти – шесть, и она уже давно верховодит мной.

– Ну а если я ее открою? – Она вертит в руках затянутую в целлофан коробку.

– Они заметят. Если целлофана не будет. Может быть, это приготовленный для кого-то подарок.

– Да ладно, мы возьмем только по штучке. Не велика разница, все равно еще много останется.

Прежде чем я успеваю вымолвить слово, коробка открыта.

– Ну давай, бери одну!

– Бери сама!

Дороти задумывается всего на мгновение.

– Давай возьмем их одновременно.

Так мы и делаем. А ночью я не могу уснуть, мучаясь размышлениями о недостойной краже. Я боюсь разоблачения и стыда, который ждет меня при признании вины. И бабушкиного разочарования по поводу моей негодности.

В кровати рядом крепко спит Дороти, как будто все это – сущие пустяки.

Насколько я помню, никто и словом не обмолвился о случившемся. Дни приходили и уходили, а я до конца каникул так и не осмелилась посмотреть бабушке в глаза. Мучилась ли Дороти угрызениями совести, мне неизвестно. Я могла только позавидовать ее привычке с легкостью оставлять все позади и умению выходить за рамки дозволенного, не опасаясь последствий. Мое же состояние души в детские годы словно покрыто туманом, я помню лишь страх сделать что-нибудь не так и смутное чувство вины.

– Ты так похожа на отца.

Я часто слышала от мамы эти слова. Дороти она этого никогда не говорила, только мне. И хотя мама произносила их с улыбкой, я не сразу поняла, что это – комплимент. Потому что то же самое можно было сказать о маме и Дороти. Они были так похожи друг на друга. Во время самых страшных вспышек маминого гнева мы – Дороти и я – держались вместе, старались сделаться незаметными, убегали в рощу или тихо сидели в своей комнате. Но когда мама была в хорошем настроении, Дороти могла устраивать концерты, почти как она. Сестра могла разозлиться или разобидеться из-за какой-нибудь ерунды, и я никогда не могла понять, как она может себе такое позволить. С годами я поняла, какое наказание заслужила Дороти. Этот черный блеск, появлявшийся в материнских глазах при взгляде на младшую дочь. В нем угадывалось презрение. Я помню, как боялась обнаружить такое же презрение в мамином взгляде, обращенном на меня. Но вместо этого в нем читались слова: «Ты так похожа на отца».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Ближний пригород Стокгольма, район массовой застройки 1960-х годов.

2

Фешенебельный пригород Стокгольма, район индивидуальной коттеджной застройки.

3

Станция метро в центральной части Стокгольма.

4

Деньги! Золото! Быстро! – англ.

5

Скорее! – англ.

6

На пол! На пол! – англ.

7

Деньги! – англ.

8

Отдавай деньги! Или я убью его! – англ.

9

Это все деньги, что у них есть. Вот! Пожалуйста, не убивайте его. – англ.

10

Южная рабочая окраина Стокгольма, которая в 1940-1950-е годы застраивалась недорогим съемным жильем, а в 1960-х – начале 1970-х годов превратилась в социально неблагополучный район.

Купить: https://tellnovel.com/ru/karin-alvtegen/effekt-babochki

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить